

*Наумова Н.Н.¹, Арабаджян А.З.², Великоднев О.А.³, Денисов Г.К.⁴,
Епифанова Ю.В.⁵, Калмыкова А.О.⁶, Кимленко Е.А.⁷*

Круглый стол «Правый популизм в современном мире» (тезисы докладов)

Аннотация: В статье публикуются тезисы магистров кафедры новой и новейшей истории, представленные ими в ходе дебатов по проблематике подъема правого популизма в современном мире. В рамках кафедрального курса «Принципы научного проектирования в истории» магистры кафедры новой и новейшей истории организовали 4 декабря 2018 г. круглый стол «Правый популизм в современном мире», в ходе которого высказывались различные мнения об истоках и перспективах новой волны правого популизма. Главный вопрос мероприятия: Можно ли говорить о росте правого популизма как о временном явлении или же это новый виток развития политических систем Западного мира и современной системы международных отношений в целом? Тезисы участников подготовлены на основе страноведческого материала, с глубоким знанием истории и современности изучаемой страны. Наряду с магистрами как заинтересованные оппоненты в дебатах участвовали преподаватели кафедры – И.Е. Андронов (Италия), Н.Н. Наумова (Франция), Т.А. Некрасова (Германия).

Abstract: In this article we publish abstracts of the masters of the Department of Modern and Contemporary History, presented during the debate on the problems of the rise of right-wing populism in the modern world. During the course “Principles of Scientific Design in History” the masters of the Department of Modern and Contemporary History organized a round table entitled “Right Populism in the Modern World” on December 4, 2018. Different opinions were expressed about the origins and prospects of a new wave of right populism. The main question of the event: Is it possible to talk about the growth of right-wing populism as a temporary phenomenon or is it a new round of development of the political systems of the Western world and the modern system of international relations in general? The abstracts of the participants were prepared on the basis of regional geographic material with a deep knowledge of history and modernity of the studied country. Along with the masters some lecturers of the Department participated in the debate - I. Andronov (Italy), N. Naumova (France), T. Nekrasova (Germany).

Ключевые слова: круглый стол, популизм, правый поворот

Key words: round table, populism, right turn

¹ *Наумова Наталья Николаевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

² *Арабаджян Александра Завеновна* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник ИМЭМО РАН

³ *Великоднев Олег Александрович* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

⁴ *Денисов Георгий Кириллович* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

⁵ *Епифанова Юлия Валерьевна* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

⁶ *Калмыкова Анастасия Олеговна* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

⁷ *Кимленко Екатерина Александровна* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Наумова Н.Н.***Правые популисты на европейской политической сцене в 10-е годы XXI века**

Состоявшиеся в 2014 году выборы в Европарламент продемонстрировали рост влияния и увеличение представительства в высших органах Евросоюза евроскептиков и правых популистов, требующих отказаться от дальнейшего углубления интеграционного строительства и даже вывести их страну из ЕС, целесообразность функционирования которого они отвергают (жесткий вариант евроскептицизма).

Рост популярности в государствах-членах ЕС евроскептицизма и правого популизма объясняется рядом причин:

- нарастающими социально-экономическими проблемами Евросоюза, связанными с последствиями финансового и экономического кризиса, который разразился в Европе в 2008 году;
- негативным отношением большинства населения ЕС к проявлениям миграционного кризиса, возникшего в 2015 году. Речь в первую очередь идёт о проблемах безопасности европейцев и социального обеспечения беженцев;
- разочарованием части электората ЕС в деятельности его руководящих структур и критикой евробюрократии за её оторванность от реалий жизни и проблем рядовых граждан;
- неверием в осуществление самой идеи европейского строительства и в создание «еврогосударства», что (в случае его появления) приведёт к тому же к фактическому растворению национальных государств в «общеевропейском доме».

Итогом нарастания европессимизма и даже отторжения идеи дальнейшего интеграционного строительства стала победа правых популистов и евроскептиков на выборах в ЕП (2014 год) во Франции, Великобритании и Дании; укрепление их позиций в других европейских государствах. На правом фланге серьёзно усилились позиции фракции «Европейские консерваторы и реформисты» и евродепутатской группы «Европа за свободу и прямую демократию», отстаивающей лозунги правого популизма и евроскептицизма.

Летом 2015 года в новом составе ЕП была создана (впервые) правопопулистская парламентская фракция «Европа наций и свобод», главным участниками которой стали евродепутаты от Национального фронта (Франция), Австрийской партии свободы, голландской Партии Свободы и итальянской Лиги Севера. Она довольно быстро (2015-2016 годы) расширилась за счёт присоединившихся к ней правых популистов-евроскептиков из Бельгии, Великобритании, Германии, Польши и Румынии. Политический альянс в 2015 году получил статус европейской партии, а вместе с ним – право на ежегодное финансирование от Европарламента, что, несомненно, упрочило положение правых популистов и предоставило им возможность более широкой пропаганды своих идей.

Сложность объединения всех евроскептиков в ЕП связана с борьбой за лидерство (Фарадж – Ле Пен) и нежеланием отдельных депутатов (тот же Фарадж) сотрудничать с откровенно ультраправыми силами. При этом, как справедливо отмечает отечественный политолог А.И. Тэвдой-Бурмули, евроскептики «не озабочены проблемой, на какой части спектра их прописали», и «не всегда являются националистами»; правые популисты в своём подавляющем большинстве настроены националистически.

Арабаджян А.З.

О глобальном характере тенденции «правого поворота»

В последнее время все чаще как в прессе, так и в работах представителей академической сферы можно встретить тезис о том, что в текущей декаде по всему миру значительно усилились тенденции правого популизма. Это проявляется в росте популярности представителей правых партий в Европе, в развитии феномена евроскептицизма, победе Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г., а также в поражении левых сил на выборах в ряде стран Латинской Америки. Последний факт стал основанием для утверждений о том, что «левый дрейф» (он же – левый поворот, левая волна) в странах латиноамериканского региона сменился правым.

Действительно, все указанные события одно за другим дискредитировали позиции левых сил по всему миру. Однако можно ли рассматривать эти факты в качестве звеньев одной цепи?

На наш взгляд, такое обобщение является несколько поверхностным в виду того, что *причины* успеха правых сил в разных регионах значительно отличаются друг от друга.

В Европе взлет правых сил связан с обострением двух ключевых проблем: чрезмерного притока иммигрантов, с одной стороны, и кризиса повестки левых движений, с другой. После событий арабской весны и скатывания ближневосточной ситуации к положению крайней нестабильности вплоть до военных действий с участием внерегиональных акторов поток беженцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока на европейский континент значительно увеличился. В результате европейское население воочию убедилось в том, насколько сильно в культурно-религиозном отношении от них отличаются представители Востока. При этом речь не только об окончательном провале политики мультикультурализма.

Под вопрос ставится и политика защиты прав меньшинств, в т.ч. религиозных и этнических, поскольку продвижение их требований начинает нарушать свободы исторического большинства европейских стран. Здесь можно вспомнить случаи с запретом вывешивания католических крестов в итальянских школах, который мотивировался тем, что задевает религиозные чувства исповедующих ислам школьников. И этот пример далеко не единственный из тех, что обнажают культурно-религиозное столкновение разных групп населения, проживающих в Европе. Данная ситуация, среди прочего, стала результатом политики леволиберального толка, которая нацелена на освобождение всех угнетенных по любому признаку групп населения.

Именно таковой является на сегодняшний момент повестка дня левых движений в Европе. И она, судя по последним событиям, продолжает терять очки, поскольку не может адекватно отвечать на требования «старых» жителей континента, которые зачастую протестуют не только против расширения до крайности свобод религиозных и этнических групп, но и против расширения прав других меньшинств (в т.ч. и гендерных). Таким образом, парадигмы европейских левых после развала

СССР сегодня уже не отвечают новым вызовам, которые встают перед Европой, а значит – левым движениям необходимо искать пути собственного обновления. В противном случае правый популизм станет долгосрочной тенденцией.

Иными представляются причины «правого поворота» в Латинской Америке. Здесь наблюдается смена левых режимов (К. Ф. де Киршнер в Аргентине, Д. Русеф в Бразилии) представителями либо правоцентристских (М. Макри в Аргентине), либо откровенно правых сил (Ж. Болсонару в Бразилии). Тем не менее, данная тенденция связана отнюдь не с культурными или миграционными причинами. Напротив, корень проблемы здесь – социально-экономическая конъюнктура в каждой отдельной стране и на мировом рынке.

Успех левых, некоторые из которых стоят на позициях социализма XXI в. (У. Чавес и Н. Мадуро в Венесуэле, Э. Моралес в Боливии, А. Корреа в Эквадоре), во многом был связан с благоприятными макроэкономическими обстоятельствами. Цены на экспортируемые этими странами товары (нефть, газ, сельскохозяйственная продукция) в 2000-е гг. были настолько высокими, что позволяли за счет поступлений в бюджет осуществлять ряд социальных программ. В результате левые добились значительного снижения уровня бедности и нищеты в своих странах, сокращения разрыва между людьми с наиболее высокими и наиболее низкими доходами. На этом фоне в упомянутых государствах постепенно увеличивался средний класс, который стал выдвигать новые требования к властям. Повестка, направленная на улучшение положения нищих, окончательно теряла актуальность для представителей средних слоев.

Одновременно изменилась и конъюнктура мировых цен на экспортные товары, которая (в случае с обвалом цен на нефть в 2014 г.) ударила не только по потерявшей в 2013 г. своего харизматичного лидера Венесуэле, но и по России. Как следствие, все социальные мероприятия левых пришлось сокращать ввиду того, что уменьшилось количество поступлений в бюджет. Естественно, это подорвало позиции левых партий и лидеров, ведь они вынуждены были остановить политику в интересах тех самых нижних слоев социальной иерархии, которые привели их к власти.

Однако и в Латинской Америке, где левые партии, казалось бы, являются наиболее влиятельными в мире, сама повестка дня приходящих к власти левых на поверку не столь радикальна. Напротив, концепция социализма XXI в. включает в себя четкое разделение между теми принципами социализма, на которых основывался социалистический лагерь в XX в., и современным вариантом века XXI. Партии левого поворота применяли государственное регулирование в экономике, за счет которого и осуществляли перераспределение доходов. Но они не боролись с капитализмом как системой общественно-экономических отношений и не планировали делать этого даже в отдаленном будущем. В итоге повестка дня размывала ключевые противоречия между трудом и капиталом, а преобразования левых в социальной сфере только сглаживали и затушевывали их.

Есть основания полагать, что наблюдаемый провал левых как в Европе, так и в Латинской Америке приведет к переосмыслению левыми партиями своей программы. Возможно, для того понадобится более долгая и вдумчивая работа в теоретической области, которая рано или поздно вовлечет в себя широкий спектр представителей левого движения всего мира. Однако в случае, если этого не произойдет, левые вряд ли сумеют вернуть свои позиции на политической авансцене.

Великоднев О.А.

Проблема правого популизма – угроза или вымысел?

Проблема правого популизма представляет собой актуальный и любопытный феномен. Под ним понимается рост популярности крайне правых партий, в первую очередь, в европейских странах, наметившийся к середине 2010-х гг. Основными объектами критики данных партий являются процесс европейской интеграции и рост числа некоренного населения, что в купе создаёт предпосылки за «размывания идентичности», столь охраняемой данными группами.

Тем не менее, проблема правого популизма представляется чрезмерно растиражированной. В последнее время всё более распространённым становится тезис о начале упадка либерального мирового порядка, установившегося после победы Запада в Холодной войне. Признаками пересмотра либерального порядка часто признаются консервативная волна в странах Центрально-Восточной Европы, Брекзит, избрание Трампа президентом США, рост популярности правопопулистских партий в Австрии, Нидерландах, Франции и Германии. Однако, данные тренды вполне объяснимы иными причинами.

Консерватизм стран ЦВЕ является типичной моделью развития в рамках постсоциалистического государственного строительства. После десятилетий следования в фарватере социализма, эти страны в процессе борьбы с ним обратились к противоположной силе – идеям правого спектра. В то же время, например, правый популизм в Чехии не смог стать сколь бы то ни было серьёзной силой, в Словакии изначальные успехи антилиберальных сил сошли на нет к началу нового тысячелетия, а в Польше и Венгрии, несмотря на наличие подобных сил в руководстве, достижения наиболее значительных своих целей – отход от либерализма и поддержка традиционализма – остаются лишь в мыслях руководства стран, поскольку это приведёт к их исключению из ЕС, что означает серьёзные экономические убытки и потерю поддержки существенной части электората.

Выход Британии из ЕС – вполне закономерное событие. Британцы никогда не были полноценными членами Союза. Скорее, их функция заключалась в торможении интеграционных процессов. К тому же, евроскептицизм Британии – долговременное явление, с современным «кризисом» имеющее мало общего.

Избрание Трампа является своеобразной «мстью» электората «внутренних штатов» «штатам побережья» за их поворот на мир в ущерб собственно США. Упор на глобализацию способствовал тому, что американская экономика перестала быть американской, а стала частью глобальной, не способной существовать отдельно. Страх потери контроля способствовал росту протестного электората.

Рост же популярности правых партий в ряде стран Западной Европы объясняется определённой нестабильностью, связанной сначала экономическими трудностями кризиса 2008 г., реакцией на европейские механизмы финансовой помощи и миграционным кризисом 2015 г.

В современной Европе происходит борьба традиционалистского и либерального дискурсов. В этом смысле постхристианская либеральная Европа, рожденная на руинах её старого амплуа в конце 1960х, обрела нового соперника – консервативные силы, представленные, в первую очередь, традиционалистски мыслящим электоратом, как правило, старшим поколением, которое составляет значительную долю населения, и набирающими вес мигрантами, главным образом, из мусульманских стран. Брекзит можно также рассматривать как «подарок» старшего поколения молодёжи.

Говорить, однако, о поражении либерализма рано. Победа сначала в Нидерландах партии Марка Рютте и победа Эммануэля Макрона во Франции позволяет сказать, что рост правых способствует консолидации проевропейских либеральных и левоцентристских сил.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что современный рост правого популизма объясняется во многом турбулентностью процессов в мире и самих этих странах. Подобный рост значения правых установок отмечался, например, в 1950-х г., в частности, в ФРГ, когда в погоне за стабильностью страна сделала значительный шаг вправо, особенно в сфере социальных отношений. Тем не менее, кроме как кратковременным явлением назвать эти события сложно. События же 2010-х гг. безусловно актуальны для обсуждения с точки зрения феномена правого популизма, но ещё немного и оно станет частью истории, а либеральный порядок останется на своём заслуженном месте.

Денисов Г.К.

Правый поворот, популизм и евроскептицизм

После отхода от жесткого неоконсервативного курса в большинстве стран Западной Европы и Америки сложился новый политический консенсус, основанный на доминировании умеренных либерально-реформистских партий (демократы-центристы в США, социал-демократические и леволиберальные партии в Европе).

Данный консенсус опирался на мощную банковскую систему развитых стран (наследие неоконсерваторов), а также на заметно укрепившийся в 1980-1990 гг. средний класс.

Для удовлетворения растущих потребностей населения при повышении расходов на производство развитые страны вынуждены были рассчитывать на промышленный рост в странах развивающихся. Глобализация и все её проявления (транснациональные корпорации, трудовая и экономическая миграция, перенос производств в развивающиеся страны, расширение прав наднациональных институтов и заключение обязывающих международных договоров) играла на руку сложившемуся в политике либеральному консенсусу.

Увеличение налоговой нагрузки, накопившиеся долги, сокращение реального производства и неустойчивость финансовой системы в конце концов пошатнули благосостояние европейского и американского среднего класса. Банковский кризис 2008 г. нанес по нему сильнейший удар. Падение реального уровня доходов и увеличение расходов имело не только экономические последствия (разорение крупных американских торговых сетей, прежде ориентированных на средний класс, закрытие тысяч торговых центров по всей стране), но и политические.

Одним из прямых политических последствий смены экономической конъюнктуры стало укрепление традиционных флангов политической системы – в первую очередь, консервативных партий. Увеличение популярности также испытали фракции и группы левой и социалистической направленности, альтернативные политические движения (региональные партии, «зеленые» и др.). В первую очередь это связано с размыванием среднего класса и увеличением экономического неравенства в развитых странах.

В новых условиях достоинства глобализации быстро превратились в недостатки. В западноевропейских странах наблюдается растущая безработица (особенно среди молодежи) и экономическая стагнация, в то время как в США основной проблемой стали низкий реальный уровень доходов и превращение значительной части населения в прекариат.

Одним из предложенных вариантов выхода из кризиса стал отход от сложившегося либерального консенсуса в пользу более практического, национально ориентированного курса. Ряд существующих правоцентристских партий (Консервативная партия Великобритании, Республиканская партия США,

ХДС/ХСС в Германии) ставят себе в заслугу проведение независимой, строгой фискальной политики. Тем не менее, данные меры не привели к немедленному увеличению благосостояния коренного населения.

«Правый поворот» в политике западных стран состоял в резком увеличении популярности альтернативных правых партий, превращении их из маргинальных групп в массовые, влиятельные политические организации. Партии «правого поворота» начали свой путь к власти в условиях затяжной экономической депрессии, массового протеста против леволиберального консенсуса в политике и глобализации в экономике. Они пользуются поддержкой не столько элиты (скорее тяготеющей к «системным», консервативным партиям), сколько трудящихся, более не чувствующих связи со своими национальными правительствами.

Почему именно правые партии? Одной из основ леволиберального консенсуса стало удовлетворение требований умеренных левых сил в сфере гендерной и расовой политики. В условиях трансформации и упрочения рыночной экономики, роста благосостояния и сокращения традиционного рабочего класса левые партии предпочли отойти от своих традиционных экономических требований, расширяя свою базу за счет поддержки этнических, гендерных, сексуальных, религиозных и других меньшинств. Подобное «предательство» интересов трудящихся, бывшее ценой участия в леволиберальном консенсусе, в конце концов дискредитировало многие социал-демократические партии. Влиятельные лидеры современных европейских левых (Джереми Корбин, Алексис Ципрас) занимают гораздо более радикальную позицию, чем их предшественники.

Европейские правые партии, находившиеся вне леволиберального консенсуса, успешно апеллируют к общественному недовольству для решения собственных задач. Падение доходов и стагнация в экономике связывается ими с фактической потерей национального суверенитета, деструктивной политикой Евросоюза, сдерживающей рост национальных экономик, а также с несправедливым перераспределением средств в пользу более бедных стран-членов Евросоюза.

Одним из катализаторов «правого поворота» стал начавшийся в 2015 г. европейский миграционный кризис, подчеркнувший неравноправие входящих в Евросоюз стран. В условиях, когда каждое из западноевропейских государств стремилось проводить самостоятельную миграционную политику, принудительные меры со стороны европейского правительства вновь обострили вопрос о национальном суверенитете. Необходимо отметить, что это не первый удар подобного масштаба по идее евроинтеграции – греческий долговой кризис (с 2010 г.) заметно прибавил популярности евроскептическим партиям.

Европейские партии «правого поворота» не имеют единой программы и едва ли предлагают надёжные пути выхода из существующего кризиса. Тем не менее, их объединяет антиглобалистский подход, признание приоритета национальных интересов над общемировыми, отрицание сложившегося ранее леволиберального консенсуса и опора на широкие массы населения.

Учитывая четко выраженный антиглобалистский, евроскептический характер партий «правого поворота», сотрудничество между ними в рамках европейского сообщества имеет характер временного тактического союза, созданного с целью демаргинализации и пропаганды их взглядов, а также достижения политической власти в соответствующих государствах-членах ЕС. В то же время определённое значение приобретают идеи альтерглобализации, построенной на иных принципах, нежели та леволиберальная модель, которую мы наблюдаем в настоящий момент.

Партии и группы «правого поворота» приобрели значение как партии протестного движения. Подобные партии по определению недолговечны и зависят от политической конъюнктуры. Тем не менее, в существующих экономических условиях возврат к консенсусу образца 2008 г. не является возможным. В долгосрочной перспективе крайняя поляризация политических сил и укрепление позиций радикалов может означать только одно – коренное изменение политической парадигмы.

Епифанова Ю.В.

О причинах успеха правого популизма в Европе

Современный правый популизм стал значимым фактором политического процесса в XXI в. как в Западной, так и в Восточной Европе, поэтому изучение сущности и причин этого понятия приобретает все большее научное значение.

В целом европейский популизм представляет собой успешно развивающееся политическое явление, поскольку многие правопопулистские партии смогли уверенно закрепиться в политической системе своих стран. Конкретными примерами этому могут служить голландская Партия свободы Герта Вилдерса, Австрийская партия свободы, немецкая Альтернатива для Германии, Партия независимости Соединенного Королевства, французский Национальный фронт.

Данные партии оперируют тем, что представляют национальное большинство своих стран. Их идеалом страны является культурно, религиозно, национально и социально однородное общество добропорядочных граждан. Главные вызовы своей стране они усматривают в национальных и европейских элитах, в мигрантах и беженцах, в особенности, мусульманских.

Общим выводом ряда исследований является то, что экономические потрясения кризисного периода не являются главной причиной подъема правого популизма, т.к. эта тенденция характерна не только для стран, которые переживают экономический спад, но и для стран с благополучной экономической конъюнктурой. Но если выделять общую причину подъема популизма, то можно сказать, что его лозунги созвучны антисистемным настроениям широких социальных слоев, которые не поддерживают политические, социально-экономические и этнокультурные трансформации, разрушающие привычный общественный порядок европейских стран.

Одной из причин, по которым популизм получил столь широкую поддержку в массах, является кризис западноевропейской представительной системы власти, а именно тенденция к центристскому началу в европейской политике. Партии становятся все ближе друг к другу и все дальше от избирателей. Получается, что у граждан остается возможность «менять правительства, но не политику». Поэтому в глазах народных масс, по сути, только правые популисты, выступающие против центристского консенсуса, являются подлинными выразителями политических альтернатив.

Кроме того, растет недовольство граждан европейских стран процессом размывания своей культурно-цивилизационной идентичности. Следование политического истеблишмента принципам политкорректности обусловило табуирование углубляющихся этнокультурных проблем. Это позволило популистам правого толка предложить альтернативу политике мультикультурализма и стать выразителями массовой озабоченности электората реальными проблемами культурно-этнического характера. В связи с этим важной проблемой для европейского сообщества становится все более активное

распространение «евроскептицизма» практически во всех странах Запада. Благодаря антиглобалистским настроениям большей части западного общества поддержка популистских партий также возрастает.

Правопопулистские партии все сильнее определяют политический процесс. Им не обязательно побеждать на выборах, т.к. косвенно они уже влияют на политику своих стран, увереннее формулируют все более радикальную политическую повестку дня, апеллируя к волнующим общество проблемам, таким как европейская интеграция и ее соотношение с национальными интересами самих европейцев, этнокультурная политика, отношение к этническим и религиозным меньшинствам, иммиграционная и социальная политика и т.д. Тем временем перед национальными правительствами и поддерживающими Евросоюз силами стоит задача справиться с охватившими регион проблемами, укрепить авторитет и повысить эффективность ЕС, чтобы не допустить оттока избирателей к представителям правого популизма.

Калмыкова А.О.

Правый популизм в США: фактор Трампа

В XXI столетии проблема правого популизма упоминается всё чаще. Причина – подъем этого явления в Европе и Новом Свете. Характерными странами, где правый популизм занимает ведущие позиции, являются Германия, Австрия, Великобритания, Франция, Бразилия и, определенно, Соединенные Штаты Америки.

Для США явление правого популизма не новое. Стоит вспомнить хотя бы луизианского политика Хью Лонга, программа которого называлась «Раздел богатств» и подразумевала решительную конфискацию сверхдоходов. При этом в более широком плане его концепция охватывала все сферы жизнедеятельности государства. Луизианский политик не только продумал до мелочей пункты плана, но и предложил основные шаги по его реализации. В результате, «Раздел богатств» выглядел более реалистично по сравнению с двумя другими программами, предложенными в рамках президентской гонки 1936 г., но в конечном варианте оказался радикальным для своего времени.

История Соединенных Штатов Америки знает и другие примеры этого политического явления, но ещё никогда популист правого толка не становился президентом страны. Дональд Трамп – то исключение, которое в XXI веке может повториться. Действующий президент выиграл выборы в 2016 г., опередив кандидата от Демократической партии Хилари Клинтон и набрав 306 голосов выборщиков (56,88%). Победа Д. Трампа до сих пор остается загадкой, ведь все опросы общественного мнения обещали победу его сопернице.

Этому факту существует несколько объяснений. Во-первых, победа Д. Трампа как президента связана с ситуацией во внешней политике, а именно с началом так называемой новой «холодной войны», когда в современном мире вновь образовалось два противостоящих полюса. Как результат, Соединенные Штаты Америки нуждаются в сильном национальном лидере, который бы отстаивал их интересы за пределами региона. К этому относится и один из знаменитых популистских лозунгов Трампа: «Вернем Америке былое величие» (“Make America Great Again”).

Кроме того, главный соперник Трампа, Хилари Клинтон, представляла правящую элиту, неудовлетворенность которой со стороны общества росла. Новый президент появился как будто бы ниоткуда, представляя собой обновление, - но с традиционным настроением.

Говоря об этом, следует упомянуть методы, которые Д. Трамп использует для привлечения сторонников. Во-первых, он активный пользователь Твиттера, распространенного среди молодежи и других интерактивных слоев населения. Особенности его речи и позиционирования даже вызвали к жизни новый язык – трампояз. Он базируется на трех китах: любовь к превосходной степени, уход от ответа на конкретные вопросы, использование понятий, более характерных для бизнеса, нежели

для политики, в частности, слова «сделка». Все эти черты создают президенту облик, который привлекает к нему сторонников. Социальная сеть Х. Клинтон выглядит более официальной, заметно, что сообщения в ходе предвыборной гонки публиковала не она. Организаторы штаба не задумывались о факторе живого присутствия в Интернете и публиковали твиты от лица кандидата от демократов даже во время ее выступлений.

Во-вторых, необходимо отметить, что за время президентской кампании действующий глава государства совершил 344 поездки по стране, а его соперница – только 293. Отличались и количественные, и качественные показатели. Х. Клинтон предпочитала статичные внутрипартийные мероприятия с тщательно отобранным контингентом, тогда как Д. Трамп сделал упор на массовые акции с привлечением широкой публики, где могли встретиться его сторонники и противники.

Еще одна важная проблема, которую затронул кандидат от Республиканской партии – вопрос о границе США с Мексикой. Широко известно, что Д. Трамп предложил ограничить доступ иммигрантов в США путем строительства стены между государствами. Это яркий пример его популистской деятельности, с помощью которой он сыграл на чувствах людей, испытывающих беспокойство относительно своей безопасности и трудовой занятости.

Благодаря своим ярким лозунгам, манере поведения и успешному заигрыванию с избирателями Д. Трамп стал в 2017 г. 45-м президентом США, - первым популистом во главе этого государства.

Кимленко Е.А.*

Правый популизм в Италии: «Лига» и «популистский хамелеон»

В Италии правые популисты представлены «Лигой» Маттео Сальвини. Рост симпатий к «Лиге» начался после финансового кризиса 2008 г. Эта тенденция усилилась на фоне притока мигрантов из Северной Африки и разочарования в линии, проводимой Римом, которая виделась как череда уступок ЕС, сделанных со стороны Италии.

После поражения на парламентских выборах 2018 г. левоцентристской «Демократической партии» к власти пришла коалиция между «Лигой» и «Движением пяти звезд», которое также является популистским, но имеет левую направленность.

Приходу коалиции способствовал итальянский политический климат, который восходит к коррупционному скандалу начала 1990-х гг. и до сих пор является причиной популярности антиэлитарной риторики.

Правительство «Движения пяти звезд» и «Лиги» стремится ввести прогрессивный налог, безусловный базовый доход, отменить пенсионную реформу, усилить силы правопорядка. Это не вписывается в нормы, предписанные Европейским союзом, и становится причиной конфронтации с Брюсселем.

Ключевой темой в риторике лидера «Лиги» М. Сальвини остается миграционный кризис, который он характеризует как проблему, касающуюся всех итальянцев.

Маттео Сальвини называют «популистским хамелеоном», ему присущи многие черты популистского лидера. Он сочетает личные и политические моменты, создает себе бренд простого итальянца.

---

* *Кимленко Екатерина Александровна* – магистр кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова